

же жизнью, какъ и ихъ обитатели, и ихъ великие голоса опираются на голоса человѣческие¹⁾.

И Вогюэ кажется, что міросозерцаніе Толстого уже въ „Козакахъ“ начинаетъ колебаться. „Три смерти“ резюмируютъ философію великаго писателя: самый лучшій, самый счастливый человѣкъ тотъ, кто думаетъ меныше и проще умираетъ. Слова эти не новы—они сказаны Руссо, но у Толстого они расширены.

Французскій критикъ, обращаясь къ „Войнѣ и Миру“, затрудняется сказать, можно-ли назвать романомъ эти несокончаемыя серіи эпизодовъ, портретовъ, разсужденій... Истиннымъ героемъ здѣсь является Россія. Между соціальными явленіями войны привлекаетъ наибольшее вниманіе романиста, говорящаго на основаніи опыта. Это методъ Стендаля, какъ полагаетъ французскій критикъ. Отъ Толстого нельзя ждать классическихъ тенденцій; арміи, дышащей геноцидомъ, въ романѣ читатель не увидить: авторъ преслѣдуетъ только истину. Все здѣсь такъ просто, и герои волнуютъ до слезъ, герои, незнающіе самихъ себя.

Послѣ войны художникъ съ особеною страстью рисуетъ картины высшаго свѣта. Со временеми Сенъ-Симона никому не удавалось въ такой степени раскрыть *механику* высшихъ сферъ.

Изъ героеvъ романа Вогюэ въ особенности интересуется Андреемъ Болконскимъ—холоднымъ пессимистомъ и болѣе гуманнымъ, безконечно благодушнымъ Пьеромъ Безухимъ, подъ толщай котораго кроется такая тонкая, мистическая душа индусского монаха. Французскому писателю непонятень тотъ душевный переломъ, который происходитъ въ Пьерѣ, этомъ утонченномъ западной цивилизаціей человѣкѣ, поступающемъ въ школу къ Каратаеву, этому элементарному существу.

По поводу „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“²⁾ Вогюэ поднимаетъ вопросъ о реализмѣ Толстого. Въ чемъ онъ близокъ и въ чемъ далекъ отъ французскихъ писателей.

¹⁾ Le Roman russe.

²⁾ „Анну Каренину“ Вогюэ считаетъ литературнымъ завѣщаніемъ Толстого.